

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ СРЕДНЕГО КЛАССА И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ЭВОЛЮЦИИ

В.А.Аникин, Н.Е.Тихонова

Большая часть современных исследований по среднему классу в России не уделяет должного внимания рассмотрению динамики его состава и особенностей во взаимосвязи с изменениями структуры экономики вообще и профессионально-отраслевой структуры в частности. Внимание исследователей концентрируется обычно либо на ценностно-мировоззренческих особенностях СК, либо на доходно-имущественных его характеристиках¹. В частности, российскими учеными игнорируется вопрос о связи структуры рабочих мест и внутренней структуры среднего класса, хотя за рубежом с этого вопроса начинаются многие признанные исследования по среднему классу. Речь идет прежде всего о классическом труде Ч. Миллса², для которого средний класс – это профессиональные группы, имеющие схожий род деятельности (нефизический труд средней квалификации в области торговли, бытового обслуживания и администрирования). В этом же ряду надо назвать исследования Э. Райта³, относившего к среднему классу менеджеров и профессионалов умственного труда в силу противоречивости их классового статуса; работы Дж. Голдторпа⁴, рассматривавшего в качестве среднего класса квалифицированных работников нефизического труда, имеющих особые контрактные отношения с работодателями, а также исследования последних лет,

¹ См., например, работы: *Гудков Л.Д., Зоркая Н.А.* Стерилизация социальной дифференциации: российский «средний класс» и эмиграция // «Мир России», 2013, № 2; *Григорьев Л.М., Салмина А.А., Кузина, О.Е.* Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения. М: Экон-Информ, 2009 и др.

² *Mills C.W.* White Collar: The American Middle Classes. N.Y.: Oxford University Press, 1951.

³ *Wright E.* Rethinking once again the concept of class structure. In E.O. Wright & others (Eds.) The Debate on Classes. New York: Verso, 1989.

⁴ *Goldthorpe J.* Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. Oxford: Clarendon press, 1987.

посвященные неоднородности среднего класса, связанной с трансформацией многих рабочих мест и ростом значимости творческого труда в последние 20 лет⁵.

В тех редких попытках рассмотрения среднего класса с учетом его места в системе производственных отношений, которые можно встретить в последние годы в русскоязычной литературе, отмечается продуктивность рассмотрения эволюции среднего класса в контексте изменений профессиональной структуры общества применительно к России⁶. Однако эволюция профессиональной структуры СК рассматривается при этом явно недостаточно, а вопрос особенностей занятости представителей СК по секторам и отраслям экономики вообще практически не ставится. В этой связи особого внимания заслуживает вопрос о том, как выглядит сегодня задаваемая характером экономики профессиональная структура России, во многом предопределяющая число структурных позиций, которые могут быть отнесены к среднему классу в целом, а также соотношение в нем ядра и периферии.

Анализ показывает, что эта структура – яркий результат развития социально-экономических тенденций, начало которым было положено в нашей стране еще в середине 1990-х годов⁷, когда происходило распространение новых типов экономической деятельности, а также массовый отток рабочей силы из сферы производства в торговлю и сферу простых услуг. В итоге начавшейся тогда структурной перестройки экономики **картина занятости по отраслям и, главное, по секторам экономики** в настоящее время существенно отличается в России от ситуации в развитых странах (табл. 3.1).

⁵ Florida R. *The Rise of the Creative Class: And How it's transforming work, leisure, community and everyday life*. New York: Perseus Book Group. 2002.

⁶ См., например, работы: № 4; *Любимова Т.С., Шкаратан О.И.* Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // *Общественные науки и современность*, 2008, № 1; *Тихонова Н.Е., Мареева С.В.* Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа-М, 2009; *Аврамова Е.М., Малева Т.М.* Эволюция российского среднего класса: миссии и методология // *Общественные науки и современность*. 2014. № 4 и др.

⁷ См., например, *Шкаратан О.И. Ястребов Г.А.* Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России: Предварительные итоги представительного опроса экономического активного населения России 2006 г. Препринт WP7/2007/02. Серия WP7 (Теория и практика общественного выбора). – М.: ГУ ВШЭ, 2007; *Аникин В.А.* Тенденции изменения социально-профессиональной структуры России в 1994-2006 гг. (по материалам RLMS) // *Мир России*, 2009, т. 8, № 3.

Таблица 3.1

Занятость в различных отраслях и секторах экономики в России, Германии и Великобритании, 2012 и 2013 гг., % от работающих

Сектора экономики	Россия, 2013	Германия, 2012	Великобритания, 2012
Первичный сектор	9	3	1
Сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	7	3	1
Добыча полезных ископаемых	2	0,5	0,4
Вторичный сектор	35	33	23
Обрабатывающие производства (промышленность)	15	23	13
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды; строительство; транспорт и связь	20	10	10
Третичный сектор	30	30	38
Оптовая и розничная торговля, сфера обслуживания, включая ЖКХ и др. услуги	23	22	29
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	7	8	9
Четвертичный сектор	26	36	38
Образование, наука, культура и т.д.	17	23	26
Финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, информационные и т.п. услуги	9	13	12

Примечание: Фоном выделены наиболее типичные для соответствующей группы показатели. Данные по Германии и Великобритании приведены по Европейскому социальному исследованию (ESS) за 2012 г. The European Social Survey (ESS) – многолетнее сравнительное исследование изменения установок, взглядов, ценностей и поведения населения Европы. Начало проекта: 2001 год. Охватывает 30 европейских стран. С 2006 г. в проекте ESS участвует Россия. Выборка составляет более 50000 человек (1500-3000 в каждой стране). Подробнее см.: <http://www.ess-ru.ru/> и <http://www.europeansocialsurvey.org/>. Данные по России рассчитаны на основе официальной статистики (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/trud10.xls)

Роль этих отличий для развития нашей страны вообще и ситуации с российским средним классом в частности станет понятнее, если учесть, что *доминирование того или иного сектора экономики отражает этап исторического развития, который переживает страна*. Так, доминирование первичного сектора экономики характерно для традиционных, доиндустриальных обществ. Выход на первый план вторичного сектора означает и переход страны к индустриальному этапу развития.

Доминирующая роль третичного сектора свидетельствует о вступлении в позднеиндустриальную эпоху развития. Для этой эпохи характерно быстрое развитие торговли, ЖКХ, ресторанного бизнеса, рекреационных и сравнительно простых медицинских услуг, составляющих основу третичного сектора экономики, а также рост занятости в такой отрасли как образование. Фактически на этом этапе решающая роль в производстве переходит от объектов природы (как это было в доиндустриальную эпоху) или оборудования, что характерно для индустриальной эпохи, к человеку как главному фактору производства. Соответственно, и *главным компонентом национального богатства становится в эту эпоху человеческий капитал, а класс, являющийся носителем этой формы национального богатства (именно им и является средний класс), оказывается на позднеиндустриальном этапе развития наиболее массовым классом и начинает играть всевозрастающую роль в жизни общества*⁸. Наконец, переход к постиндустриальному этапу развития отражает рост роли в экономике такого фактора производства как знания и информация в целом, а двигателями ее развития становятся знаковые системы – от науки и программного обеспечения до брендов и рекламы. Выход на первый план по значимости четвертичного сектора экономики увеличивает спрос на высококвалифицированных профессионалов и относительно сокращает спрос на другие типы работников, занятость которых предполагает обычно менее высокий уровень квалификации, чем требуется в четвертичном секторе⁹. Для среднего класса эти процессы означают усиление внутриклассовой дифференциации и даже поляризацию¹⁰, включая массовое «осыпание» среднего класса в прекариат¹¹.

Если с учетом этих тенденций посмотреть на данные табл. 3.1, то понятно, что и Германия, и Великобритания к началу 2000-х гг. уже начали переход к постиндустриальной модели развития, для которой характерна массовая занятость в четвертичном секторе. Большая часть рабочей силы в этих странах (36% и 38%, соответственно) работает

⁸ *Bell D.* The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. New York: Basic books, 1973.

⁹ *Castells M.* The rise of the network society: The information age: Economy, society, and culture (Vol. 1): Wiley-Blackwell, 2011.

¹⁰ Например, речь может идти о превращении части работников нефизического труда (а именно работников средней квалификации, составляющих основу среднего класса) в родовую рабочую силу (см. *Stalder F.* Manuel Castells: The Theory of the Network Society. Cambridge: Polity Press, 2006), что сопровождается попаданием этих работников в другую классовую ситуацию, определяемую менее защищенным положением на рынках труда, чем у их имеющих больший человеческий и культурный капитал коллег.

¹¹ *Standing G.* The precariat: The new dangerous class. London: A&C Black, 2011.

сейчас именно в отраслях четвертичного сектора, который является «точкой роста» экономик развитых стран. Это неизбежно влечет за собой и рост в структуре их занятости доли работников высококвалифицированного умственного труда – фактически это единственная профессиональная группа, по которой в 2000-х гг. в них наблюдался, если судить по данным ESS, существенный рост (с 13 до 18% в Германии, с 13 до 19% в Великобритании¹²). Стоит отметить, что эти процессы идут в развитых странах примерно с середины XX века. Так, в 1950 г. доля профессий, которые отличаются сложными профессиональными навыками и высокой индивидуальной ответственностью, составляла в общей структуре занятий в экономике Западной Германии всего 5%, а к 1987 г. доля этих профессий возросла до 22%¹³. В то же время в России население чаще всего (35%) даже сегодня занято во вторичном секторе экономики, который, напомним, включает занятость в промышленности, строительстве, транспорте, а также в области производства и распределения электроэнергии, газа и воды. Следовательно, работающие в нем в массе своей – это рабочие, т.е. представители группы, которая независимо от своего уровня доходов не относится к среднему классу (хотя при этом часть их вполне может оказаться в составе среднедоходных слоев).

Различия в занятости в России и развитых странах отражают, таким образом, тот факт, что *все российское общество находится пока в другой исторической эпохе, нежели ведущие страны Запада – а именно в эпохе позднеиндустриального развития*. Это именно та эпоха, для которой, как показывает исторический опыт, характерен быстрый рост т.н. «нового» среднего класса и превращение его в доминирующую в обществе социальную силу. Причем в составе данного класса именно на этом этапе относительно велика доля полупрофессионалов, клерков, служащих и т.п. групп, т.е. представителей среднеквалифицированных «белых воротничков», и относительно ниже, чем это характерно для обществ с доминированием четвертичного сектора экономики, доля профессионалов. *Обе эти тенденции (как общего роста среднего класса, так и увеличения в его составе более быстрыми темпами группы среднеквалифицированных работников нефизического труда) фиксируются при рассмотрении профессионального портрета СК и применительно к России* (табл. 3.2).

¹² Данные ESS за 2002 и 2012 гг.

¹³ *Фестер М.* Социальные мильё, классы и стили жизни в Западной Германии // Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива / Под ред. В. Воронкова, М. Соколова; пер. с нем. К. Тимофеевой. СПб.: Алтея, 2008, с. 27-30.

Таблица 3.2

Динамика профессиональных статусов различных групп населения, 2003, 2014 и 2015 гг., % от работающих

Профессиональные группы	Средний класс, в т.ч.:						Потенциальный СК			Остальное население		
	Ядро СК			Периферия ядра СК								
	2003	2014	2015	2003	2014	2015	2003	2014	2015	2003	2014	2015
Руководители всех уровней, предприниматели и самозанятые	33	20	18	29	12	12	18	7	9	1	1	1
Специалисты, работа которых предполагает использование высшего образования	67	80	82	24	5	5	45	22	27	1	1	1
Прочие работники нефизического труда (полупрофессионалы, клерки, рядовые работники в сфере торговли и бытового обслуживания)	0	0		47	83	83	37	71	64	8	8	8
Рабочие	0	0		0	0		0	0	0	90	90	90

Из таблицы 3.2 видно не только то, что *основу ядра СК составляют профессионалы, а также руководители всех уровней и предприниматели*. Видно из нее и то, что *основная масса входивших в 2003 г. в состав периферии ядра СК руководителей и профессионалов к настоящему времени перешла в ядро СК, где, собственно, по своему профессиональному статусу и должна находиться*. Даже кризис 2014–2015 гг. не смог пошатнуть их позиции в ядре среднего класса. В результате *ядро СК и его периферия стали гораздо более однородными по своему профессиональному составу, чем в начале 2000-х гг.* Этот процесс можно оценить, как несомненно позитивный и отражающий общие закономерности формирования массового среднего класса в позднеиндустриальную эпоху в любой стране мира.

Отчасти затронули эти тенденции, как видно из табл. 3.2, и потенциальный СК, куда, в отличие от ситуации 12-летней давности, входят теперь в первую очередь уже не профессионалы и руководители бюджетных отраслей (перешедшие в массе своей за это время в основном в ядро

СК и, отчасти, в его периферию), а другие представители работников нефизического труда, к тому же с относительно более низким качеством человеческого и культурного капитала, чем у представителей тех же профессиональных групп в составе СК¹⁴. Тем не менее, *почти 40% в потенциальном СК составляют все-таки работники, которые, по крайней мере по своему профессиональному статусу, могли бы претендовать, при лучшем материальном положении и иной статусной идентичности, на попадание даже в состав ядра СК. Однако, судя по всему, последнего не стоит ожидать до окончания кризиса, по крайней без активного вмешательства государства, на которое в нынешних условиях рассчитывать не приходится.*

Что это значит с точки зрения **возможностей расширения российского среднего класса**? Это означает, что в ближайшее время ожидать расширения СК не придется. Однако *при условии устранения необоснованных отраслевых, региональных, поселенческих и т.п. диспропорций в оплате труда высококвалифицированных специалистов, в состав среднего класса может войти (при нынешней профессиональной структуре занятых) за счет не попадающих пока в состав СК профессионалов и руководителей дополнительно 2–3% населения России. Ещё на 5–6% СК мог бы увеличиться при определённых изменениях социальной политики за счёт пенсионеров с достаточно высоким образовательным уровнем, которые по их прошлому социальному статусу и на пенсии должны были бы, живи они в одной из развитых и даже развивающихся стран, относиться к среднему классу. Тем не менее, максимальный ресурс расширения СК даже при самых благополучных условиях составляет в сумме не более 7–9% населения страны.*

При этом, на первый взгляд, ресурс расширения СК должен составлять все те 19% россиян, которые входят в потенциальный СК, а не 7–9%, составляющих половину этой группы. Однако на самом деле это не так. Часть работников нефизического труда даже в развитых странах относится к низшему классу как в силу особенностей их занятости, так и вытекающего из нее уровня благосостояния. В основе их классовой принадлежности

¹⁴ Все профессиональные группы (за исключением профессионалов, т.е. специалистов, работающих на должностях, предполагающих высшее образование) в составе потенциального СК имеют более низкий образовательный уровень, чем те же группы в СК. При этом, как было показано в главе 1, представители потенциального СК имеют обычно за счет первичной социализации в другой среде заметно худший культурный капитал, чем представители периферии ядра СК, а тем более – его ядра. Это, естественно, делает их менее конкурентоспособными на рынке труда.

сти оказывается низкое качество человеческого капитала, не позволяющего получать на него дополнительные доходы – речь в этих случаях идет лишь об оплате простой физической способности к труду, как и у низкоквалифицированных рабочих. Учитывая низкий уровень образования подавляющего большинства входящих в потенциальный СК россиян, а также тот факт, что в массе своей работающие его представители – это работники торговли и бытового обслуживания (почти 40% от численности работающих представителей этой группы в целом), понятно, что в СК они не только сейчас, но и в будущем войти не смогут.

Все это позволяет утверждать, что *максимально возможная даже теоретически численность среднего класса при нынешнем уровне развития экономики России и ее отраслевой структуре составляет порядка половины населения. Это, конечно, не «общество двух третей», как в развитых странах в 1960–1970-е гг., т.е. в период нахождения их на том же этапе позднеиндустриального развития, на котором находится сейчас Россия, но всё же общество достаточно массового среднего класса.* Проблема заключается, однако, в том, что уровень доходов российского СК не позволяет ему иметь тот образ жизни, который характеризовал СК многих западных стран в 1960–1970 гг., социальная защищённость его гораздо хуже, а часть тех, кто оказался бы в них с учётом своего профессионального статуса и образования в составе СК, в современных российских условиях вообще не попадает в его состав. Сложившаяся ситуация – следствие не столько относительной бедности России, сколько определённой политики государства, не ощущающего себя, в отличие от государств Западной Европы в 1960–1970 гг., выразителем интересов и защитником среднего класса как самого массового класса общества. Это тем более прискорбно, что, сколь бы странным и непривычным это ни казалось, СК и в России стал уже самым многочисленным классом – и рабочий, и низший классы, рассматриваемые по отдельности, уже меньше по своей численности, чем средний класс страны.

Если же говорить о главной специфике российской ситуации по отношению к ситуации со СК в западных странах сегодня, то она заключается отнюдь не в меньшей численности СК и даже не в более низком уровне благосостояния российского среднего класса. *Специфика российской ситуации со средним классом заключается прежде всего в относительно низкой доле в составе работающих представителей СК занятых в четвертичном секторе экономики по сравнению с наиболее развитыми странами Запада, а также в растущей доле в нём периферийных для этого класса в западных странах сегодня профессиональных статусов*

(для сравнения – если доля специалистов средней квалификации выросла в России с 2002 по 2012 гг. с 17 до 19%, то в Германии она сократилась за это время с 21 до 19%, в Великобритании – с 12 до 11%¹⁵ и т.д.). В итоге, *если в наиболее развитых странах эволюция среднего класса идет в настоящее время по линии его поляризации, то есть увеличения в нём доли занятых на рабочих местах как низкой, так и высокой квалификации с сокращением срединных позиций, то российский средний класс прорастает сейчас прежде всего среднеквалифицированной рабочей силой, занятой рутинным нефизическим трудом.* Впрочем, в этом отношении ситуация с российским СК также напоминает процессы, которые имели место в таких западных странах как Германия, Великобритания и т.д. 50 лет назад. Фактически рост СК в последние годы (по крайней мере до кризиса 2014–2015 гг.) происходил в России, как и в них тогда, за счет рабочей силы, представленной, с одной стороны, служащими, а с другой – рядовыми работниками сферы торговли и бытового обслуживания со сравнительно высоким уровнем образования (не ниже среднего специального) и достаточно высокими доходами.

Еще раз подчеркнем – эти отличия закономерны, поскольку ключевая тенденция экстенсивного роста российского СК прежде всего¹⁶ за счет рабочей силы средней квалификации является отражением специфики того этапа развития, на котором находится сегодня российская экономика, а также сохранения рентоориентированного характера последней, даже несмотря на активные действия властей по импортозамещению в условиях санкций Запада и антисанкций России, введённых после воссоединения России и Крыма. В результате в ней не просто растёт занятость на рабочих местах средней и низкой квалификации, но и в очень незначительном количестве создаются рабочие места, предполагающие высококвалифицированный нефизический труд. *Лишь вследствие*

¹⁵ Данные ESS за соответствующие годы.

¹⁶ Речь в данном случае идёт о тенденции, которая будет сохраняться и в среднесрочном будущем. Если же говорить о прошедших годах, то наряду с ней действовала и другая тенденция – в состав ядра СК, как упоминалось выше, перешли из его периферии и даже потенциального СК многие представители профессионалов и руководителей, а доля ядра СК выросла в составе населения за последние 12 лет в полтора с лишним раза – с 11 до 18%. Однако эта тенденция была всё же и в прошлом менее мощной, чем первая, и если изменение статуса высококвалифицированной рабочей силы затронуло 5% россиян, то в процесс расширения периферии СК оказались вовлечены 8%.

положительной внешнеэкономической конъюнктуры, связанной с высокими ценами на энергоносители, такая модель экономического роста позволяла до начала в 2014 г. экономического кризиса обеспечивать повышение средней заработной платы по стране. Причем происходило это во многом в силу действия перераспределительных, а не рыночных механизмов.

Рост доходов населения в целом и СК в частности при такой модели его расширения носил временный характер, и при системных кризисных явлениях в экономике можно ожидать сокращения российского среднего класса, прежде всего – периферии его ядра. Доказательство тому можно было наблюдать в 2008–2009 гг., когда в результате финансово-экономического кризиса заметно «осыпалась» именно периферия ядра СК (в 2009 г. она сократилась по сравнению с предкризисным периодом на четверть – с 20 до 15% населения страны). При этом, поскольку текущий кризис 2014–2015 гг. не относится к разряду системных и проявляется в основном в росте цен как следствии изменения валютного курса, он практически никак не сказался на численности представителей среднего класса. Однако сохранение численности СК даже в условиях кризиса не должно приводить к ложным умозаключениям относительно его благополучия в будущем. *Устойчивый рост среднего класса возможен только при завершении в России позднеиндустриального этапа развития и начале перехода к постиндустриальной модели развития, т.е. при условии развития в России «экономики знаний» на фоне диверсифицированной структуры экономики в целом.*

Показателем развития в стране экономики знаний можно считать занятость в её четвертичном секторе, то есть секторе информационных и интеллектуалоемких услуг, представленного такими отраслями как наука, научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, образование, культура, финансовая деятельность, консалтинг и т.п. *Именно этот сектор экономики еще накануне кризиса в массовом масштабе обеспечивал в России рабочими местами представителей СК, особенно его ядра* (рис. 3.1). Однако вызывает тревогу то, что, на фоне стабильности секторальной структуры, занятость ядра СК на рабочих местах в четвертичном секторе экономики за последние полтора года существенно сократилась – с 59 до 50%. Отчасти это сокращение носит относительный характер и обусловлено ростом занятости во вторичном и третичном секторах экономики. Отчасти же оно означает, что стратегически важный для нашей страны четвертичный сектор экономики ещё слаб, переживает в условиях кризиса серьезные проблемы и его развитие является скорее производной от экономического роста, чем его драйвером.

	□ Первичный	□ Вторичный	□ Третичный	■ Четвертичный
Ядро СК 2014	1	15	26	59
2015	1	21	28	50
Периферия ядра СК 2014	5	10	53	33
2015	4	11	55	30
Потенциальный СК 2014	3	9	50	39
2015	3	9	46	43
Остальное население 2014	9	72	13	6
2015	9	74	14	4
Справочно: россияне в..	5	39	28	28
2015	5	39	30	27

Рисунок 3.1. Занятость различных групп населения по секторам экономики, 2014/2015 гг., % от числа работающих

А из этого, в свою очередь, вытекает, что в условиях нынешней структуры экономики и незавершенности перехода России к постиндустриальному этапу развития четвертичный сектор экономики будет обладать заведомо меньшим потенциалом для обеспечения устойчивости позиций среднего класса по сравнению с другими секторами экономики. И в этом отношении ситуация в России прямо обратна ситуации в развитых странах, даже индустриально ориентированных – так, например, в Германии до 70% профессионалов занято именно в отраслях четвертичного сектора экономики¹⁷.

Что же представляют собой рабочие места, предоставляемые четвертичным сектором ядру СК и его периферии? Как уже было сказано, работа в этом секторе экономики предполагает не просто наличие высшего образования, но зачастую уникальную квалификацию. Именно занятость в четвертичном секторе экономики в ядре СК вносит однозначность в картину рабочих мест, которые занимают представители этой части среднего класса. Так, работники четвертичного сектора ядра СК на 88% состоят из профессионалов. Можно даже сказать, что *профессионалы*,

¹⁷ Данные ESS.

занятые в бюджетных отраслях четвертичного сектора экономики, по сути дела являются сегодня своего рода «лицом» ядра российского среднего класса, и лицо это преимущественно женское. При этом для руководителей, попавших в ядро СК, наиболее типичной является занятость на частных и приватизированных предприятиях вторичного и третичного сектора. И этот оборотный лик ядра СК имеет четко выраженные мужские черты.

Согласно данным рис. 3.1, представители периферии ядра СК, независимо от их профессионального статуса, заняты сегодня в основном в третичном, а остальное население – во вторичном секторе экономики. Более того, профессиональный состав периферии ядра СК – это как бы «ядро СК наоборот». *Если ядро СК – это в основном профессионалы в «экономике знаний», то его периферия – это в основном рядовые служащие или работники в сфере торговли и бытового обслуживания.* Причем если работники торговли и сферы услуг из третичного сектора представляют собой типичный портрет представителя периферии ядра СК в современной России, то рядовые служащие и офисный персонал, для которых относительно чаще характерна занятость в четвертичном секторе экономики (табл. 3.3), выступают своего рода «связующим звеном» между ядром СК и его периферией. При этом их довольно часто можно встретить и в потенциальном СК, и даже в остальном населении.

Таким образом, анализ распределения представителей СК по секторам экономики и профессиональным статусам демонстрирует, что **российский средний класс – это сложный, гетерогенный феномен, в котором как бы «встречаются» две разные эпохи экономического развития, с разными требованиями к рабочей силе и с разными квалификационными стандартами.**

Как же эта гетерогенность проявляется в деятельности, которую предполагают рабочие места представителей российского СК? Начнём с характеристики **властного ресурса** (в форме ресурса влияния) на работе у представителей разных социальных групп (табл. 3.4).

Как видно из таблицы 3.4, кризис способствовал некоторому росту влияния представителей СК у них на работе. Однако, если брать более длительный период, то правильнее было бы говорить о стагнации этого показателя с некоторыми временными колебаниями. Причем в целом этот ресурс имеют, даже в СК, сравнительно немногие работающие россияне. А ведь ресурс влияния – одна из ключевых характеристик любой

Таблица 3.3

**Профессиональный портрет различных групп населения
в зависимости от сектора экономики, в котором они работают,
2015 г., % от числа работающих**

Профессиональные группы	Средний класс, в т.ч.:								Потенциальный СК				Остальное население			
	Ядро СК				Периферия ядра СК											
	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Руководители, предприниматели и самозанятые	50	23	24	12	68	18	11	7	33	25	7	8	0	1	3	0
Профессионалы	50	77	76	88	0	6	5	6	0	50	13	39	0	0	0	16
Полупрофессионалы и офисные служащие	0	0	0	0	27	53	28	81	56	11	17	50	1	0	7	36
Рядовые работники в сфере торговли и бытового обслуживания	0	0	0	0	5	24	56	4	11	14	63	3	1	0	38	0
Рабочие													98	99	52	48

Примечание: Сокращения в таблице: «I» соответствует первичному сектору, «II» – вторичному, «III» – третичному и «IV» – четвертичному секторам. Фонем и жирным шрифтом в таблице выделены наиболее типичные для работающих в тех или иных секторах экономики представителей различных групп позиции.

Таблица 3.4

**Динамика ресурса влияния на принятие решений
у разных профессиональных групп,
2003, 2014 и 2015 гг., % от числа работающих**

Ресурс влияния	Руководители всех уровней, предприниматели, самозанятые			Профессионалы			Прочие работники нефизического труда			Рабочие		
	2003	2014	2015	2003	2014	2015	2003	2014	2015	2003	2014	2015
В рамках всего предприятия	44	33	40	8	5	7	4	3	5	1	3	4
В рамках своего подразделения	42	50	44	46	45	55	25	22	30	16	16	21
От них на работе вообще ничего не зависит	14	17	16	46	50	37	71	77	65	83	81	75

производственной деятельности, заметно влияющая на самоощущение человека на работе и его трудовые мотивации. Особенно значимо это для деятельности СК. Напомним в этой связи: представители ядра СК – это группа, характеризующаяся не просто высоким уровнем квалификации, но и особыми трудовыми мотивациями¹⁸. Их труд особенно сложно контролировать, тем более с точки зрения его качества. Поэтому в менеджменте развитых стран принято создавать у профессионалов заинтересованность в работе не только, а подчас даже не столько материальными стимулами, сколько чувством сопричастности и ощущения своей «миссии»¹⁹. В России же события до 2014 года развивались в прямо противоположном направлении, и именно в этой группе отчуждение (а ощущение невозможности влиять на происходящее, восприятие себя как «винтика» свидетельствует именно об отчуждении в труде) нарастало опережающими темпами. Следствием этого отчуждения неизбежно явился и рост значимости материальных мотиваций (главное – высокая зарплата) в ущерб содержательным мотивациям труда среди представителей СК. Эти изменения опасны по своим социально-экономическим последствиям, поскольку качество работы руководителей и профессионалов, основная часть которых входит в ядро СК, особенно сильно влияет на конкурентоспособность страны и жизнь в ней каждого человека. Именно они работают в органах управления страны, учат и лечат россиян, создают то информационное поле, в котором они живут, определяют успешность развития промышленности и финансовой сферы России и т.д.

С чем же могло быть связано столь быстрое нарастание отчуждения в труде у российского СК? В качестве гипотезы можно было бы предположить, что шло обострение внутрифирменных конфликтов и усиливались противоречия между собственниками и работниками. Однако, данные показывают, что все как раз наоборот – ощущение наличия противоречий и конфликтов начинает усиливаться по мере роста ресурса влияния на рабочем месте, с одной стороны, и развития кризисных явлений в экономике, с другой. Если в период с 2003 по 2014 гг. среди работающих

¹⁸ Anikin V.A. Motivation to work in Russia: the case of protracted transition from non-competitive to competitive system // *The Journal of Comparative Economic Studies*. 2013. Vol. 8.

¹⁹ Hertzberg F. et al. *The Motivation to Work*, 2nd ed., New York: John Wiley & Sons, 1959; Scott J., Gordon M. “Work,” in *The Oxford Dictionary of Sociology*, 3rd ed., New York: Oxford University press, 2005. Watson T.J. *Sociology, Work and Organization*, 6th ed., New York: Routledge. 2012. Также стоит отметить, что эта точка зрения нашла свое отражение не только в социальных науках, но и в психологии – см., например: Jung G. *On the Nature of the Psyche*, London and New York: Routledge, 2010.

россиян, формирующих ядро СК, существенно снизилась распространенность ощущения конфликта между собственниками и наемными работниками (с 16 до 9%), что является частичным отражением общероссийской тенденции снижения значимости этого типа конфликтов (рис. 3.2) на фоне роста значимости для россиян противоречий между богатыми и бедными, властью и народом, чиновниками и гражданами и т.д., то в кризис этот показатель опять вернулся к высоким значениям 2003 г. – 16% в ядре СК и 22% по работающему населению в целом. Единственная группа, которую этот процесс практически не затронул – периферия ядра СК.

Данные исследования позволили зафиксировать ещё один очень важный факт – ощущение остроты конфликта между собственниками

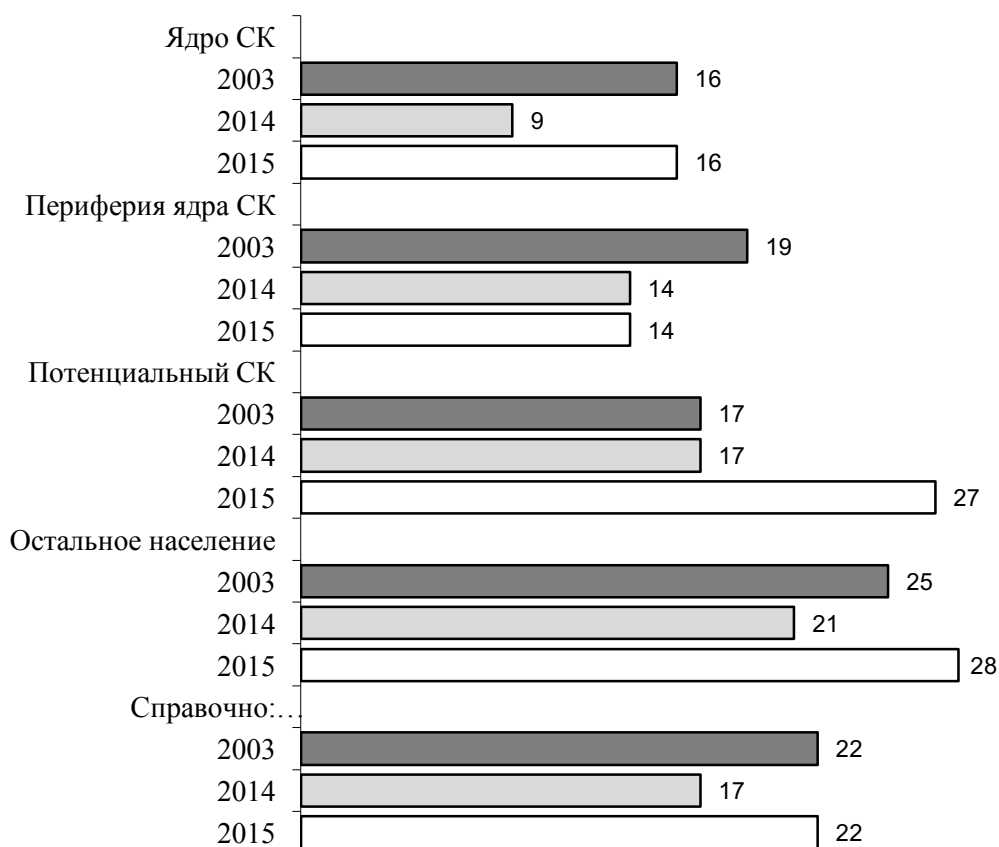

Рисунок 3.2. Динамика ощущения наличия противоречий между собственниками предприятий и наемными работниками в различных группах населения, 2003, 2014 и 2015 гг., % от числа работающих

предприятий и его работниками характерно в наибольшей степени для рабочих (26% в 2015 г.), а также работников предприятий, находящихся в негосударственной собственности (также 26%). При этом чаще всего ощущают это противоречие представители традиционного рабочего класса (высоко- и среднеквалифицированные рабочие – в 33% случаев), а также рядовые работники торговли и сферы обслуживания, положение которых близко к положению традиционного рабочего класса по многим параметрам²⁰. *Это новая тенденция – еще несколько лет назад ощущение этого конфликта как значимого²¹ характеризовало в первую очередь пожилых респондентов, работающих на предприятиях государственной формы собственности, а также пенсионеров, и было скорее идеологической нормой, чем результатом реального конфликта интересов.* Сейчас же ситуация начала быстро меняться, что также свидетельствует об изменениях, идущих в сфере производственных отношений и производственной культуры в России.

Еще одна, наряду с ресурсом влияния, важная характеристика производственной деятельности представителей СК – это **вписанность её в «правовое поле» и вытекающая из этого степень их социальной защищенности.** Как свидетельствуют эмпирические данные (табл. 3.5), позиции ядра СК, хотя и кажутся достаточно благополучными на фоне других слоев населения, все же не слишком хороши. Отнюдь не все представители ядра СК, а тем более его периферии, были официально оформлены на работу в 2015 г.; 18% ядра СК и 37% его периферии получали зарплату или часть ее «в конвертах»; 21% ядра СК и 41% его периферии ядра СК не имели гарантированной законом оплаты отпуска и больничных листов, хотя еще в 2014 г. таких гарантий не имели только 16% и 31% соответ-

²⁰ См. также: *Ильин В.И.* Белые воротнички в современной России: новые средние слои или конторский пролетариат? // Рубеж (альманах социальных исследований), 2002, № 15. Стоит обратить внимание, что рядовые работники торговли и сферы обслуживания сравниваются с рабочими не только в России. Так, Э. Райт причислял эту группу занятых к рабочему классу в силу низкой степени контроля за собственным трудом (*Wright E.* *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis.* Cambridge Cambridge University Press, 1997). На близость позиций этих групп работников в их поведенческих стратегиях и установках указывали и российские авторы (*Каравай А.В.* Российские рабочие: финансовое поведение и установки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2. С. 83-95).

²¹ Респонденты должны были выбрать три наиболее острых для сегодняшней России типа конфликтов из 15 позиций.

ственно. Таким образом, *значительная часть представителей СК находится сейчас вне действия российского трудового, пенсионного и социального законодательства*, и находятся в этой ситуации они отнюдь не в результате собственного желания. Причём из таблицы 3.5 видно не только то, что в кризис таких россиян стало заметно больше, но и то, что имеющих дополнительные социальные блага стало намного меньше и среди россиян в целом, и у представителей обеих подгрупп СК.

В целом в той или иной степени *вне правового поля и предусмотренных российским законодательством социальных гарантий в 2015 г. находились почти две трети (63%) работающих россиян* (в 2014 г. их было 44%). Около трети занятого населения страны не имели при этом осенью 2015 г. и официального оформления на работу, и, соответственно, «белой» зарплаты, и оплаты предусмотренных законодательством отпуска и больничного листа. У остальных не реализовывалось как минимум одно из этих прав. В наиболее благополучном положении при этом находились профессионалы – «лишь» треть их была полностью вне правового поля, а в наихудшем положении – рабочие, у двух третей которых (64%) их права в той или иной степени нарушались. Им либо своевременно не выплачивалась зарплата (18%), либо они не имели официального оформления на работу (37%), и, соответственно, «белой» зарплаты (49%), либо им не предоставлялась оплата предусмотренных законодательством отпуска и больничного листа (49%).

Таблица 3.5

Степень социально-экономической защищенности на рабочем месте у различных групп населения, 2014/2015 гг., % от числа работающих

Показатели	Средний класс, в т.ч.:				Потенциальный СК		Остальное население		Справочно: население в целом	
	Ядро СК		Периферия ядра СК							
	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015
Своевременная выплата зарплаты	97	95	93	90	93	88	88	82	92	89
Официально оформлены на работу	87	83	77	71	73	67	71	62	76	70
«Белая» зарплата	84	82	68	63	60	63	57	49	66	63
Оплата отпуска и больничного листа	84	79	59	59	60	58	60	49	68	60
Дополнительные социальные блага	25	10	17	4	14	4	10	5	15	6

Другой группой риска являлись рядовые работники торговли и сферы бытового обслуживания – 76% из них работали в октябре 2015 г. в условиях однозначного нарушения их прав со стороны работодателя. При этом, что особенно удивительно, и на государственных предприятиях полностью в законодательном поле находились лишь 65% работников. Примечательно, что в докризисный 2014 г. права работников на государственных предприятиях соблюдались лучше – полностью в законодательном поле находилось 74% работников. Менее удивительно, но весьма тревожно, что на приватизированных предприятиях этот показатель спустился в 2015 г. до 50% против 57% в 2014 г. И совсем драматично и требует немедленного вмешательства государства ситуация, когда на возникших уже в ходе реформ предприятиях частного сектора в зоне действия трудового, пенсионного и социального законодательства России оказываются не более 30% работающих.

Что же касается дополнительных социальных благ (оплаты добровольного медицинского страхования или наличия ведомственной поликлиники, оплаты транспорта, связи, жилья и т.д.), то их наличие обуславливается сегодня в России обычно владением навыками, составляющими базу квалификационных требований при постиндустриальной модели развития. Хотя стоит отметить, что в кризис большая часть пользовавшихся ранее этими благами их потеряли (у ядра СК их численность сократилась в 2,5 раза – с 25% до 10%, у периферии ядра СК в 4 раза – с 17% до 4%, у потенциального СК в 3,5 раза – с 14% до 4%, в целом у занятого населения в 2,5 раза – с 15% до 6%). Несмотря на то, что сворачивание российскими работодателями дополнительных социальных благ в кризис идет у СК опережающими темпами по отношению к занятому населению страны в целом, в «сухом остатке» у ядра СК они встречаются всё же чаще, чем у других групп работников. В наибольшей же степени дополнительные социальные блага и в кризис сохранились у тех, чья работа связана с ежедневным использованием Интернета (22%) и/или иностранного языка (31%).

Тот факт, что ядро СК включает наиболее квалифицированную часть российских работников, человеческий капитал которых обеспечивает им более сильные переговорные позиции с работодателями независимо от того, кто выступает этим работодателем – государство или частный предприниматель, – отражается не только в большей правовой защищенности СК, но и в большей **устойчивости занятости** его представителей (табл. 3.6).

Таблица 3.6

Вероятность увольнения у различных групп населения, самооценки, 2014 г., % от числа работающих

Вероятность увольнения	Средний класс, в т.ч.:		Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК		
Это исключено	20	12	7	7
Это маловероятно	58	51	39	43
Это вполне возможно	20	32	46	44
Такая вероятность очень велика	2	5	8	6
<i>Справочно:</i> Оказывались за последние 5 лет в ситуации, когда нигде не работали и не учились более трех месяцев подряд	9	21	34	27

Вероятность сохранения своего рабочего места повышается, если труд работника предполагает хотя бы эпизодическое использование компьютера в работе, и достаточно интенсивное использование в ней Интернета и иностранного языка (25% таких работников считали в 2014 г. свое увольнение невозможным при 11% среди работающих россиян в целом). Учитывая, что эти навыки шире распространены в СК, не удивительно, что, как видно из табл. 3.6, большинство и ядра СК, и его периферии считали в 2014 г. свое увольнение маловероятным, и еще 20% в ядре СК и 12% в его периферии считали, что это абсолютно исключено. При этом среди остальных работающих россиян наиболее массовой являлась точка зрения, что это вполне возможно.

Реальный опыт безработицы представителей разных групп как до кризиса, так и в кризис подтверждает неслучайность их опасений относительно собственной занятости – так, в среднем классе потеряли работу из-за кризиса 2,4% работавших его представителей, причем три четверти из них достаточно быстро смогли найти новую работу. Среди же остальных работающих россиян работу потеряли 7%, и свыше 40% их так и не смогли найти к октябрю 2015 г. новой работы. Та же тенденция в разы большей уязвимости россиян, не входящих в состав СК, в плане различных аспектов их занятости прослеживалась и в отношении нахождения в неоплачиваемом отпуске, угрозы потери работы или задержек зарплаты более месяца. Причем по всем этим позициям в наиболее благополучном положении находились представители ядра СК (табл. 3.7).

В условиях низкого уровня социально-экономической защищённости работающих россиян не удивительно, что значительная часть населения (24% всех работающих – табл. 3.8) хотела бы перейти на работу в органы государственной власти, где права работников соблюдаются более последовательно даже невзирая на кризис.

Таблица 3.7

Особенности влияния кризиса на занятость различных групп населения, 2014 г., % от числа работающих

Формы влияния	Средний класс, в т.ч.:		Потенциальный СК	Остальное население	Справочно: население в целом
	Ядро СК	Периферия СК			
Неоплачиваемый отпуск или угроза потери работы	3	2	6	8	5
Задержка зарплаты более месяца	2	2	7	9	6
Потеряли работу, но сумели найти новую	1	4	2	7	4

Таблица 3.8

Желание различных групп населения работать в органах государственной власти, 2014 г., % от числа работающих

Желание работать в органах государственной власти	Средний класс, в т.ч.:		Потенциальный СК	Остальное население	Справочно: население в целом
	Ядро СК	Периферия СК			
Хотелось бы	28	26	37	19	24
Не хотелось бы	65	71	59	80	72
Уже работают	7	4	4	2	4

Для ядра СК стремление оказаться в качестве работников в органах государственной власти характерно в относительно большей степени, чем для населения в целом. При этом в той части ядра СК, которая находится вне правового поля и социальных гарантий, доля резко возрастает и составляет 36% всей группы. Это позволяет говорить о том, что за стремлением многих россиян попасть на работу в органы государственной власти стоит элементарное желание стабильной работы и соблюдения на ней предусмотренных законодательством социальных гарантий.

Подведем итоги.

Профессиональный портрет российского среднего класса отражает особенности исторического этапа развития России и модели экономики, сложившейся в ней за годы реформ. Этап развития, на котором находится сейчас российская экономика – это этап позднеиндустриального развития, который ведущие западные страны проходили в 60-80-х годах XX века. И современный российский СК похож с точки зрения его профессионального портрета в большей степени на СК развитых стран той эпохи, чем на их сегодняшний СК. Так, его массовость и прирост обеспечиваются пока за счет наращивания в российской экономике числа рабочих мест рутинного нефизического труда с относительно высоким уровнем зарплат в офисах, торговле, бытовом обслуживании и ЖКХ. Это означает увеличение в составе СК доли среднеквалифицированных «белых воротничков», а также рядовых работников торговли и бытового обслуживания, составляющих периферию ядра СК. Кроме того, в составе российского СК относительно низка доля работников четвертичного сектора экономики, что нехарактерно для современного этапа развития наиболее «продвинутых» стран Запада, но было присуще их социально-профессиональной структуре 30-50 лет назад.

За последние 12 лет основная масса входивших в 2003 г. в состав периферии ядра СК и потенциального СК руководителей и профессионалов перешла в его ядро. Однако процесс этот, будучи достаточно массовым для самой этой группы, мало изменил картину по работающим россиянам в целом – он охватил не более 4% занятого населения. К настоящему моменту возможности дальнейшего роста среднего класса за счет этой категории рабочей силы, обладающей достаточно качественным человеческим капиталом, уже практически исчерпаны. Даже при устранении необоснованных диспропорций в оплате труда высококвалифицированных специалистов, совершенствовании социальной политики и сохранении перераспределительных тенденций в сфере оплаты труда максимальный ресурс расширения среднего класса составляет не более 7-9% населения страны, а его максимально возможная численность при нынешней профессиональной и отраслевой структуре российской экономики – порядка половины населения России. Фундаментальное расширение среднего класса возможно только при диверсификации экономического развития страны, переходе к «экономике знаний» и инновационному производству в промышленности, а также развитию четвертичного сектора.

С учетом особенностей его места в системе производственных отношений и характера деятельности можно говорить о том, что российский СК представляет собой сегодня симбиоз двух достаточно сильно отличающихся друг от друга в плане их профессиональной деятельности групп – ядра СК и его периферии. Первые – это прежде всего профессионалы, занятые преимущественно в отраслях четвертичного сектора экономики с высокими показателями человеческого капитала. Вторые – работники рутинного нефизического труда, для которых высшее образование является все менее характерным. Еще в 2003 г. разница портретов этих групп не была столь яркой, линия демаркации между ними только намечалась. Сегодня же они гораздо заметнее различаются по своему портрету и характеру деятельности.

Эволюция профессионального портрета российского среднего класса характеризуется серьёзными диспропорциями. Так, российский СК сосредоточен сегодня в основном в четвертичном секторе экономики, а периферия СК вообще концентрируется в нем практически на две трети, хотя Россия пока индустриальная держава. Кроме того, очень высок, даже в ядре СК, и резко возрос в кризис процент людей, находящихся вне поля действия российского трудового, пенсионного и социального (в части, связанной с производственной деятельностью) законодательства. Эти негативные тенденции требуют реагирования со стороны государства. И реакция эта должна быть связана не только, и даже не столько с требующими финансовых затрат мероприятиями, сколько с реализацией определенных институциональных и организационно-управленческих решений, проявлением того, что называется «политической волей».

Влияние кризиса на СК в отношении его профессиональной деятельности было достаточно противоречивым. С одной стороны, профессионалы из ядра российского СК все чаще работают на местах, где требуются навыки работы на компьютере и с Интернетом. Был увлечён российским СК и ресурс влияния на рабочем месте, что очень важно, особенно в свете всё более обостряющихся конфликтов с работодателями. Однако одновременно кризис негативно сказался на существенном урезании у представителей СК дополнительных социальных благ и резком росте в нем числа тех, кто находится вне предусмотренных российским трудовым законодательством социальных гарантий, а также на сокращении численности среднего класса в самом перспективном для его потенциального роста сегменте занятости – в четвертичном секторе экономики.